

Збірник наукових праць

7. Арзуманова М.А. Из истории литературно-общественной борьбы 90-х годов XVIII века (Н.П. Николев и Н.М. Карамзин) / М.А. Арзуманова. // Вестник Ленинградского государственного университета. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1968. – Вып. 4. – № 20. – С. 73-83.
 8. Альтшуллер М.Г. «Лиро-дидактическое послание» Н.П. Николева / М.Г.Альтшуллер. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук.– Л., Издательство Ленинградского университета, 1982.–Вып. 72. – № 339. – С. 208-214.
 9. Кочеткова Н.Д. Херасков в «Московском журнале» Карамзина / Н.Д. Кочеткова. // Русская литература. – СПб.: Наука, 2006. – №4.– С. 161-165.
 10. Сочинения Тредьяковского. Том второй. Отделение I. Издание Александра Смирдина. – СПб.: В типографии военно-учебных заведений, 1849. – 397 с.
 11. Херасков М.М. Взгляд на эпические поэмы / М.М. Херасков. // Русская литературная критика XVIIIвека. Сборник текстов. – М.: Советская Россия, 1978. – С. 281-283.
- <Херасков М.М.> Кадм и Гармония, древнее повествование. / М.М. Херасков.– Часть I, поправленная и дополненная. – М.: В университетской типографии у Хр. Клаудия, 1801. – 259 с.

О.М. Кискін

кандидат філологічних наук, доцент

Ізмаїльський державний гуманітарний університет

Традиции скоморошества в современной литературе

Автор статті досліджує оригінальне явище Східноєвропейської культури XIII-XV століття – скоморошество. Розглядаючи історію появи, розквіту та занепаду цього феномену, виявляються характерні особливості скомороської культури та літератури. Особлива увага приділяється аналізу соціальної ролі скоморошества та пошуку проявів цього явища в сучасній культурі та літературі.

Ключові слова: скоморошество, сміхова карнавальна культура Середньовіччя, трікстер, деструкція.

The author of the article investigates the original phenomenon of the Eastern European culture of the 13th-15th centuries – a buffoonery (clownish). Considering the history of the emergence, prosperity and decline of this phenomenon, the characteristic features of the buffoonery (clownish) culture and literature are revealed. Special attention is paid to the analysis of the social role of buffoonery(clownish) and the search for manifestations of this phenomenon in modern culture and literature.

Key words: buffoonery (clownish), laugh carnival culture of the Middle Ages, trickster, destruction.

Скоморошество и скоморохи в культурной традиции стран Восточной Европы XIII-XV вв. занимают особое место. Это время становления и развития нового государственного механизма вокруг упрочившегося Московского княжества, создание мощного централизованного государства в Северо-Восточной Европе.

Особенно существенным для формирующейся системы был вопрос легитимизации в европейском и мировом политикуме. Мировом, учитывая начало активной стадии открытия новых территорий Крайнего Севера, Урала, Сибири, поиски выгодных торговых путей, развитие политики колонизации на более статусном – державном – уровне.

Не менее сложным был вопрос о взаимодействии автономно развивающихся, тем не менее, во многом пересекающихся (перекрещивающихся!) культурных традиций Западной и Восточной Европы. Зарождение скоморошеских игрищ относится к периоду формирования восточнославянской культуры под эгидой православия, и ее окончательного разрыва с католической традицией Западной Европой.

Скоморошество явилось естественной социальной реакцией на светские и религиозные нововведения власти, стремящейся к объединению земель вокруг Москвы и к дальнейшей централизации, с целью создания более мощной государственной структуры (царства, империи). Скоморохи являлись носителями народной мудрости, хранителями до-государственных, языческих традиций устного народного творчества, социальными трибунами, образно представлявшими волю, мысли и надежды общества.

Основное средство противодействия власти скоморохами было ее осмеяние. Традиции средневекового народного карнавала нашли свое воплощение в смеховой культуре скоморошества. На этот факт указывает М.М. Бахтин в своем исследовании «Эстетика словесного творчества» (1979): «Это – лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют. Им присуща своеобразная особенность и право – быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризуются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением лишь как маской. Фигуры эти и сами смеются, и над ними смеются. Смех их носит публичный народно-площадной характер» [1, с. 65].

Критикуя и осмеивая власть и ее служителей, в культуре скоморохов проявляется та свободная народная стихия, со своими представлениями о справедливости, которая сохраняет на генетическом уровне память о временах языческого либерализма и принципов выборности органов социального правления.

Д.С. Лихачев так определяет вклад скоморохов в развитии различных форм народного творчества: «Принципиален игровой момент, несомненна роль скоморохов в становлении форм русского народного театра. Скоморох (Петрушка) был на игрищах центральной фигурой. Искусство скоморохов было связано с пародией, а затем и с сатирой; принцип «наоборот», «наизнанку» привносил сатирически-гротесковое начало в эти образы. И скоморох и юродивый действуют на площади» [3, с. 72].

Аналогичные моменты ломки стереотипов, противодействия нововведениям власти прослеживаются и в современной литературе стран, преодолевающих последствия коллективной тоталитарной культуры. Посредством карнавального

Збірник наукових праць

осмеяния деконструкции и десакрализации подвергаются мифологемы коммунистического прошлого, заложенные в народном сознании пропагандистами системы.

Для более полного исследования традиций скоморошества в современной культуре и литературе следует учитывать те социально-исторические условия, породившие это явление. Подобные явления можно наблюдать в процессах государственного строительства Западной Европы. Падение Константинополя и гибель Византийской империи благоприятствовали распространению выработанной в русских монастырях концепции «Москва – Третий Рим», по которой Русская православная церковь объявлялась преемницей и продолжательницей идеи восточной ветви христианского учения. Но, крах Византии лишил русское православие авторитетной внешней поддержки, поэтому Церковь объявляет новую власть московских царей оплотом православия и всецело поддерживает ее начинания. Как царская власть нуждалась в легитимизации посредством религиозной доктрины, так и Церкви была необходима поддержка царской администрации.

Новое государственное образование – Московское государство – следовало традициям своих предшественников – Рима и Византии – не только в сфере духовной преемственности. Современный французский исследователь, эмигрировавший из Советского Союза в 60-е, Михаил Геллер в своей работе «История российской империи», приводит мнение крупнейшего знатока истории России, профессора Колумбийского университета Марка Раева. Американский историк сопоставляет захват и присоединение к Московскому княжеству новых земель с непрекращающейся победоносной римской экспансией, и, опираясь на термин, применяемый учеными – специалистами по истории Древнего Рима, определяет этот процесс как «оборонительный империализм». Такая внешняя политика рассматривает все соседствующие с новоприобретенными территориями земли как потенциальных противников, что в будущем оправдывает последующую агрессию Москвы [6, с. 142-143].

Схожие с древнеримскими процессы наблюдаются и в отношении политики заселения Московских земель. В период правления Ивана III крестьяне имели право перехода из одного удельного княжества в другое в определенный период года, по установленным между удельными князьями соглашениям, закрепленных юридически. Но с XIV века Московское княжество вырабатывает свое видения «права на отъезд», по которому все приезжающие охотно принимаются, несмотря на договоренности с их удельными князьями. Отъезд же из Москвы воспринимался как измена и предательство. Таким образом, сопредельные княжества лишались поддержки населения, массово отъезжающего в молодое развивающееся государство, и приходили в упадок, становясь легкой добычей для соседей. Аналогичные происходили во времена становления Рима, когда Ромул выказывал покровительство убежавшим по разным причинам крестьянам и не выдавал хозяевам беглых рабов.

Text et culture. Выпуск 3.

Очередным шагом, упрочившим государственное правление, был союз с православной церковью, которая не находилась в такой конфронтации к светской власти, какая наблюдалась в странах Западной Европы.

Прежде всего, усилия клириков были направлены на борьбу с силами, которые были не согласны с политикой Московского княжества. К проявлению, говоря современным языком, инакомыслия. Но в землях, населенных людьми, принявшими православное христианство греческого обряда от Византии, свободомыслие порицалось церковной и общинной моралью и воспринималось социумом как вольнодумство и ересь, как разрушающая сила антагонистичного антихристианского характера. Еретические брожения XIV-XV столетия в русском (ортодоксальном) православии были задавлены в самом зародыше, что устраняло возможность появления самой мысли об ином миропорядке.

Ученые от Карамзина до Лихачева, не сомневаясь, выделяют только две крупных попытки создания альтернативного христианского вероучения, которые получили название псковской и новгородской ереси и ереси жидовствующих.

Псковские и новгородские стригольники середины XIV века, открыто проповедуя новое вероучение (общество не было тайным), отрицали большинство догматов и обрядов православия. Общественное возмущение, переросшее в еретическое движение, привело к отрицанию церковной иерархии, непризнание авторитета духовенства, обвинение клира в развращенности и симонии (продажа церковного сана и должности). Как видим, многие постулаты стригольников предвосхищают положения Мартина Лютера и протестантизма. Несмотря на признание и массовость псковско-новгородской ереси, в 1375 году души зачинщиков стригольников были преданы анафеме, а тела – Волхову.

Следующее крупное православно-церковное учение, помеченное официальной православной церковью как ересь, была так называемая ересь жидовствующих конца XV века. Зародилась во второй половине XV века, в свободолюбивом Новгороде, вместе с западными товарами импортировавшего и новые идеи религиозного брожения в западноевропейском христианстве. Попадает в Москву с двумя священниками, привезенным Иваном III, после усмирения Новгородской вольницы, который сначала поддерживает жидовствующих (доверенное лицо царя, министр иностранных дел Федор Курицын – адепт ереси) в ее оппозиции к официальному православию (вопрос о монастырских землях, секуляризация). После того как великий князь Иван III поменял наследника в пользу партии второй жены Софьи Палеолог и их сына Василия, жидовствующие подверглись гонениям, четырех главных еретиков, в том числе и брата Ф.Курицина Ивана Волка сожгли в срубе по приговору церковного собора в 1504 году.

Следующая ересь – раскол Никона, но до него официальное православие получит полуторовековую передышку, позволившую Церкви создать образцы нравственного поведения христианина и закрепить моральные догмы православия в христианских трактатах XVI столетия: «Стоглав» (1551 г.), Четьи-Минеи (1541-1552 гг.), «Домострой» Сильвестра (1560-е гг.).

Збірник наукових праць

Победив явных вероотступников и приобретя время для укрепления своих позиций, официальное православие (осуждение в проповедях; «Домострое») при поддержке государственных органов (царский указ 1648 г. – запрет с установлением Романовского абсолютизма) обратило свое внимание на еретические и языческие проявления в народном сознании, в игрищах и обрядах низовой культуры. В частности, на уже увеличивших к XVI веку свою численность и влияние профессиональных музыкантов и актеров. В духе времени их обвинили в служении языческому культу, под артистизмом скрывающих тайное жречество. Клирики официального православия предлагают новую идеальную модель поведения, базирующуюся на постулатах Святого письма и православной монашеской духовности. В культуре скоморохов выявляются черты антисоциального, то есть антихристианского, бесовского поведения, которые являются ее характерными особенностями:

- Ряженье: травести, переодевание, выворачивание мира наизнанку, создание антимира;

- Употребление бранных и срамных слов и выражений: травести в области семантики, балагурство, искажение внешней формы слов (коверкание фраз, каламбуры);

- Проведение бесовских игрищ и гуляний: синкретизм (игра на музыкальных инструментах, исполнение в основном стихотворных произведений, вождение медведя, ритуалы шаманизма языческие обряды);

- Хуление Святого письма, деяний святых и апостолов: тексты-переделки Библии, Жития святых, церковной обрядности, государственных и юридических документов;

- Связь с древними языческими верованиями и обрядностью: Рождение, Свадьба, Похороны (Встреча Героя со Смертью. Маска-Скоморох встречается с маской Смерти. Смысл приема: «Я надеваю Маску, чтобы ты снял свою»). Игра-единоборство-соревнование-партнерство со Смертью;

- Натурализм пародирования;

- Вовлечение в языческое празднество: интерактивность (общение со зрителями)

- Активные носители и проповедники новых идей, Разработчики новой эстетики, новых жанров новой городской культуры, создатели площадного театра.

Постепенно, в процессе творческого поиска произошло формирование этих отличительных черт искусства скоморохов, что способствовало выделению их творчества из других видов искусства и переходу к профессионализму.

Жанровой спецификой творчество скоморохов не балует. Чаще всего можно встретить частушку как наиболее полно соответствующую требованиям культуры и эстетики скоморохов: краткость формы, злободневность и сатирическая направленность содержания, доступная и юмористически окрашенная выразительная лексика.

Что же касается дальнейшей судьбы культуры скоморохов, то в царствование Петра и Анны Иоанновны появляются официальные скоморохи – царские шуты на

госслужбе. Начавшиеся в XVII веке гонения на инакомыслящих вынудило скоморохов уйти на Север вместе с раскольниками, где в XIX-XX вв. записаны былины Киевского цикла. Таким образом, произошло окончательное уничтожение традиций скоморошества, сохранившихся в представлениях кукольных сценок в образе Петрушки – разделение зрительское внимание занимает марионеточный театр, уход перчаточников-петрушечников к балаганщикам.

Отметим, что в образе и повадках скоморохов-Петрушек проявляются характерные особенности мифологического трикстера, который был воплощением ловкого обманщика, дурачащего простодушных.

Новое значение этому образу придал швейцарский психиатр Карл Юнг. Он выделяет в образ трикстера архетипические черты плутовства, паясничанья, озорства, пародирования, высмеивания. Это – травестер, шут, опрокидывающий официальную идеологию, выворачивающий мир наизнанку. Многие поступки трикстера могут показаться дерзкими, вызывающими и даже грубыми и аморальными, но это осознанная провокационная игра, необходимая для воссоздания нравственного миропорядка. [5]

Истоки образа трикстера прослеживаются в мифологии многих народов мира: Сет, Кришна, Эрида, Гермес, Прометей, Гефест, Фазтон, Азазель, Сизиф, Хейока (бог грома и обновления у Дакота и Сиу), Одиссей, Локки, Один (гендерная неустойчивость), Паучок Ананси. На основе онтологических нарративов возникает фольклор, многие персонажи которого вобрали в себя скоморошьи черты, в основном представляя трикстера: Хитър Петър, Тиль Уленшпигель, Нестерка, Фигаро, Гершеле Острополер, Пэкалэ и Тындалэ, Рейнеке-Лис, Иван-дурак, Лиса Патрикеевна, Ходжа Насреддин.

Как видно из приведенных примеров, в позднем фольклоре, предвестнике городской средневековой литературы появляются антропоморфные (находчивый человек) или зооморфные трикстеры (лиса, койот). Формируются три образа, наделенные явными архаическими чертами трикстера: плут, шут и дурак. Это персонажи новой городской площадной драматургии, впитавшей традиции маскарадной эстетики народного карнавала и праздничных церковных богослужений.

Перешедшие в литературного трикстера, скоморошеские черты проявляются в том, что это – Природный анимус (дух), только позже – антропоморфное существо; Обманщик, Двойничество; Клоун-сумасшедший (близость к скоморошеству и юродству), Гендерная неустойчивость (смена пола), Грубость, аморальность. А вот такой чисто трикстерский прием, как кража огня/солнца, то есть воровство, не свойственно скоморошеской эстетике, особенно в литературе. Это можно проследить, проанализировав характерные черты литературных трикстеров: Дон Паблос (Жизнь великого скупердяя) плутовской роман Франсиско де Кеведо ок. 1604. I пуб. 1626; Пеппи Длинный чулок; Карлсон; Кот в сапогах; Снусмумрик; Остап Бендер; Гекльберри Финн; Йозеф Швейк; Коровьев; Барон Мюнхгаузен; Панург, Язон динАльт («Неукротимая планета» Гарри Гаррисон) и т.д. Вплоть до героев творчества Дж. К. Роулинг, окончательно утративших скоморошеские черты.

Збірник наукових праць

Новой жизни образу трикстера, а значит, продолжение традиций скоморошества, человеческая культура обязана появлению искусства кино и средствам масс-медиа. Новые технологии «раскрутили» образы маленького бродяжки Чаплина, Багза Бани и производных от них. В современной культуре скоморошество некоторых ее представителей окрашивается асоциальным поведением, антиэстетизмом, алогичностью мышления, что больше характеризует именно трикстера: героиня м\ф «Маша и Медведь» или нашумевшее «выступление» группы Пусси-райот. Можно к современным трикстерам отнести Интернет-троллей, но те – открыто аморальные, исходят из того, что ведут игру по собственным правилам и делают это ради получения удовольствия.

Итак, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что фигура трикстера присутствует в современной литературе и кинематографе в качестве архаического героя, традиции скоморошества сохраняются, так как являются необходимым элементом деструкции и десакрализации официальной идеологии., отражением народного сознания.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 124 с.
2. Фрэнсис Е. П. Скоморохи и церковь Скоморохи в памятниках письменности / Сост. З.И. Власова, Е.П. Фрэнсис (Гладких). – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 463-477.
3. Лихачев Д.С. Смех как зрелище / Д.С. Лихачев., А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. // Смех в древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 7-71
4. Юрков С. Е. «Смеховая» сторона антимира: скоморошество / С.Е. Юрков. // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI–начало XX вв.) С.Е. Юрков/ – СПб., 2003. – С. 36-51.
5. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. Пер. с англ. – К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

А. Т. Малиновский

кандидат филологических наук, доцент

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова

Антропология жуирования в «Иване Савиче Поджабрине»

И. А. Гончарова

У статті розглядається жуїрування як стратегія персонажної поведінки і соціоестетичний феномен. У центрі уваги знаходяться антропологічні виміри героя нарису, актуальні для Гончарова в період формування його художньої характерології. Простежується прямий зв'язок з жанровими законами та образністю «фізіологічного» нарису, який заповнив літературу в усіх своїх різновидах. Йдеться про механізми, що дозволили авторів відійти від класичної форми цього жанру і